

Зимой того года, когда они с Тун Янь расстались, он вернулся в Филадельфию и тоже перешел в другую фирму.

Первоначально из-за проблем с визой ему пришлось покинуть страну на семь дней, и пока он там находился, ему предстояло пройти послеоперационный медосмотр. Однако после прохождения обследования он вскоре получил свой новый проект - совместное сотрудничество между офисами в Филадельфии и Китае по инвестиционному проекту хедж-фонда.

Здоровье дедушки постепенно улучшалось, так что, казалось, не было причин заставлять его возвращаться. В итоге Гу Пиншэн решил продлить свой первоначальный семидневный отпуск из Китая на неопределенный срок и остался в Филадельфии.

Когда наступило Рождество, по случайному совпадению и Ло Цыхао, и Пинфань отправились навестить его.

Ло Цыхао приехал раньше, а Пинфань, поскольку она сначала отправилась к подруге, приехала только вечером в канун Рождества. Снаружи царил атмосфера праздника, но когда она открыла дверь, там были только двое мужчин, которые сидели друг напротив друга, печатая на машинке и неотрывно глядя на свои компьютеры.

"Сегодня ведь Рождество, верно?" Пинфань показалось, что она попала не в то измерение.

Ло Цыхао протяжно вздохнул. "Счастливого Рождества. Наконец-то здесь есть живой человек, чтобы поговорить со мной".

Гу Пинфань разразился смехом.

Если Гу Пиншэн хотел кого-то проигнорировать, то сделать это было очень просто. Достаточно было перевести взгляд в сторону, и тогда его мир принадлежал только ему. Никто не мог посягнуть на него.

Независимо от того, где она находилась, Пинфань все равно встречала Рождество с католиками и ходила на мессу.

Ло Цыхао не мог вынести чувства одиночества и пошел с ней, чтобы ощутить церковный праздник. Когда они вернулись, было уже раннее утро, а Гу Пиншэн сидел на кухне и грел молоко. В этой тихой кухне, кроме звуков готовящейся пищи, не было никаких других звуков.

Без предупреждения его взору предстал конверт из манилы, и, подняв голову, Гу Пинфань сказал: "Я сделал это для тебя".

Открыв конверт, он достал все документы, но обнаружил, что одной части все еще не хватает. "Кажется, не хватает части об алиментах".

Гу Пинфань достала из холодильника хлеб, отрезала себе два ломтика и откусила кусочек. "Мой великий адвокат, не забывай, что я твоя старшая и старшая сестра в этой области. Как я могу не сделать это должным образом? Проблема в том, что ваша госпожа Гу тоже имеет юридическое образование, и она честно вычитывает слово за словом, опасаясь, что может где-то воспользоваться вами... Все почти готово. Где-то до Нового года я должен успеть передать вам все. Я никогда раньше не представлял ни одного подобного дела. Развод, но обе стороны боятся, что другая сторона будет ущемлена".

Он снова опустил взгляд, читая по очереди каждую страницу.

Эта кухня была действительно очень чистой. Пинфань сама не готовила, но даже в ее глазах она все равно производила грустное впечатление одинокого холостяка. Прислонившись к дверце холодильника, она вдруг поджала губы и посмотрела на него.

Гу Пиншэн почувствовал ее взгляд и, наклонив голову в сторону, подал знак, чтобы она говорила прямо, если у нее есть что сказать.

"Когда Тун Янь рассталась с тобой, что именно она тебе сказала?" Она задумалась о том, как ей лучше сформулировать то, что она хотела сказать, но в конце концов решила просто перейти к делу. "Вообще-то я уже намекнул ей, что мы с тобой не будем принимать близко к сердцу, если она бросит тебя первой..."

После недолгого молчания он ответил: "Неважно, что она сказала. Ничто из этого не может считаться правдой".

Гу Пинфань подняла брови. Доедая оставшийся кусок хлеба, она вдруг заметила: "Я помню, что в детстве ты не был таким. Что бы ты ни любил есть, ты никогда не позволял мне даже прикоснуться к этому. Если этого блюда не было, ты скорее ел простой белый рис, чем притрагивался к любому другому блюду. ТК, разве ты не собственник?"

В стакане было молоко. Поднеся его к губам, он медленно отпил пару глотков. Все еще немного обжигающее. Раньше, когда он пил его дома, с момента, когда Тун Янь закончила подогревать молоко, и до того, как поставила его перед ним, температура всегда была оптимальной.

"Если бы ты пытался за него бороться, Тун Янь не была бы такой настойчивой", - сказал Пинфань.

"Если бы она была твоей младшей сестрой, а я не имел бы к тебе никакого отношения, ты бы все еще говорил такие слова? Все еще пытаешься убедить свою младшую сестру принять больного человека, который никогда полностью не выздоровеет?"

Гу Пинфань замолчал, а затем улыбнулся. "Когда все сказано и сделано, для людей всегда будет существовать разница между близкими и далекими отношениями, родственными и

неродственными. Если разобраться, я по-прежнему эгоист".

"Если бы ваш будущий муж мог в любой момент покинуть этот мир, вы бы каждый день переживали и огорчались по этому поводу? Или, может быть, пессимистично настроена и полна отчаяния?"

Гу Пинфань рассмеялся: "Ты вороний клюв [констатирующий несчастье]!".

Она не дала прямого ответа, но это было равносильно молчаливому согласию с этими доводами.

Видя, что время должно быть подходящим, он снова проверил температуру молока. По-прежнему не подходит. Он не знал, каким терпением она должна обладать, чтобы каждый день идеально выполнять все эти мелкие задания.

Были и другие моменты, но он не стал продолжать разговор.

Все это время Тун Янь намеренно скрывала некоторые вещи, не желая, чтобы люди знали реальное положение дел в ее семье. Пинфань и даже ее лучшая подруга Шэнь Яо знали только то, что ее родители развелись, но не знали, насколько они были разочарованы.

Он вспомнил, что когда ему было двадцать два года, он не мог даже высказаться о том чувстве унижения и стыда, которое вызывали у него самые близкие родственники.

Хотя он глубоко любил свою мать, из-за тоски матери по женатому мужчине, из-за того, что он сам был незаконнорожденным ребенком, он также смог прожить свою жизнь так, словно она была спрятана в тени за солнцем. Те чувства, которые мучили его на протяжении двадцати двух лет, теперь вновь нахлынули на Тонг Янь, чувства невозможности оставить свой род, но в то же время глубокого стыда.

Она, двадцатидвухлетняя девушка, еще не достигла полного умственного и эмоционального созревания.

Но из-за любви к Гу Пиншэну ей пришлось пережить гораздо больше, чем даже ему в прошлом.

Та Тун Янь, которая впервые привлекла его, была девушкой, стоявшей в синем вечернем платье под ярким светом прожектора, приподняв брови и кокетливо хлопая ресницами перед аккомпаниатором на фортепиано, когда она пела, глубоко погружившись в чувства песни. И последнее впечатление, которое у него осталось от нее, - это девушка, которая начала изучать все возможное, часто очень торжественно щупала его пульс и измеряла частоту сердечных сокращений и всегда должна была знать, где он находится и в безопасности ли он.

Было слишком много случаев, когда ее глаза краснели, но она все равно улыбалась ему.

Он обдумал и продумал слишком много вещей, но единственное, что он упустил из виду, это ее психологическое состояние. Если подумать сейчас, то, скорее всего, через некоторое время у нее случился бы полный душевный срыв. Все те эмоции, которые накопились с подросткового возраста, а также угрызения совести и чувство вины, которые она испытывала по отношению к нему.

Можно ли их как-то разрядить?

Он не знал. В конце концов, не держал ли он себя в плену ненужного упорства, отказываясь слышать любой звук?

Вскоре после Рождества наступил Новый год. В связи с тяжелой болезнью, постигшей его в этом году, дедушка специально попросил Гу Пиншэна вернуться в Китай на лунный Новый год.

В канун нового лунного года маленькие дети всей семьи выбежали на улицу, чтобы посмотреть, как запускают петарды. Когда человеку переваливало за тридцать, он чувствовал, что время летит. Он до сих пор помнил, как в прошлом году в это время Тун Янь лежала в его объятиях, мило дуясь, что хочет на следующий день пойти к бабушке, и как, получив его согласие, она сияла от счастья, совершенно не заботясь о своем имидже.

Но, радостно придя сюда, она даже не увидела старейшину.

Гу Пиншэн казался особенно любимым детьми семьи. Как только перевалило за полночь, эти маленькие тираны вдоволь наигрались на улице, и все они, даже не потрудившись снять пуховики, столпились возле него, задавая всевозможные вопросы.

"Маленький дядя, скрестим пальцы". Крошечная девочка скрестила указательный и безымянный пальцы правой руки и сделала молитвенное движение. "Я все правильно сделал?"

Гу Пиншэн не смог сдержать улыбку. "Маленькая тетушка научила тебя этому?"

"Нет". Маленькая племянница была ужасно горда собой. "Вчера я сидела в папиной машине, и старшая сестра по радио учила этому. Она сказала, что кто-то научил ее, что если она волнуется, что не сдаст физику, она должна просто делать это "скрестив пальцы" и молиться об удаче".

Возможно, этот сценарий был слишком знакомым, потому что он подумал о Тонг Янь.

Маленькая племянница протянула руки, сложила их вместе и очень торжественно сказала: "Прадедуська должен жить здоровой и долгой жизнью. Маленький дядя тоже должен жить здоровой и долгой жизнью".

Об этом коротком, небольшом разговоре он будет вспоминать даже после возвращения в Филадельфию.

По окончании видеоконференции, когда все юристы собирали свои документы, он вдруг заговорил по-китайски, обращаясь к нескольким помощникам в китайском офисе. "Мне нужна кое-какая информация".

Люди внутри экрана мгновенно оживились и схватились за ручки и бумагу, чтобы сделать заметки.

"Мне нужны записи вечерних программ всех пекинских радиостанций во время прошлого Нового года по лунному календарю. Точная дата - двадцать девятый день последнего лунного месяца. Это должны быть программы, выходившие в эфир с пяти до одиннадцати часов".

Другая сторона записала запрос, ничего не подозревая, и, вспомнив о своей уникальности, тут же сказала: "Мы подготовим письменную расшифровку".

Он ответил: "Хорошо". Сделав небольшую паузу, он добавил: "Пришлите мне также аудиофайлы".

Вечером он получил файлы, присланные китайским офисом. Пролистав все файлы, он наконец нашел те слова, которые показались ему такими знакомыми. Несмотря на то, что это была полностью текстовая запись, читая между строк, он все же смог убедиться, что это был Тонг Янь.

Это была вечерняя дорожная программа. Ее название было очень простым и примитивным: "Есть я, чтобы составить тебе компанию".

Ведущих было двое, и Тонг Янь была одной из них, в качестве "стажера-радиоведущей".

В этом выпуске она практически ничего не говорила, за исключением того момента, когда программа подходила к концу и поступил звонок от студентки последнего курса средней школы. Это была студентка естественно-научного потока, которой предстояло сдавать экзамены, но все это время она переживала за свою оценку по физике.

Изначально должны были быть все основания для того, чтобы просто утешить и мотивировать эту студентку. Но вместо этого она вытащила свой собственный опыт неудач в физике, чтобы сказать этой молодой старшекласснице, что не стоит бояться никаких экзаменов. Даже такая, как она, которая четыре раза пересдавала физику университетского уровня, смогла успешно найти работу и теперь сидит на радио в качестве ведущей.

Гу Пиншэн не смог сдержать усмешку. Опыт пересдачи университетской физики глубоко запечатлелся в ее памяти.

Когда он смотрел на эти строки текста, он мог даже представить себе, какие выражения и жесты были у нее, когда она говорила. Человек, расшифровывавший запись, был очень старателен и даже тщательно записал: "стажер-радиоведущий тихо смеется".

"Скрестим пальцы. Желаю вам успешно сдать экзамен".

В самом конце она сказала, что перед последним экзаменом по физике кто-то научил ее делать этот особый знак: положить средний палец поверх указательного так, чтобы они были скрещены, а затем молиться об удаче.

Он очень долго читал эту расшифровку. Наконец, он встал, чтобы размяться и пошевелиться.

В то время она собиралась вернуться в университет на выпускные экзамены, и всю дорогу до аэропорта Тун Янь беспокойно ерзала. Она нежно прижалась щекой к его плечу, и когда он наконец посмотрел на нее с весельем, которое он не мог скрыть, она с тревогой спросила его: "Если я не сдам физику в этот раз, я не смогу закончить университет, и что мне тогда делать? ..."

"Ты набрала восемьдесят шесть баллов на пробном экзамене, который ты делала вчера вечером. Сейчас для тебя это просто ментальный барьер". Взяв ее руку в свою, он положил ее средний палец поверх указательного, а затем научил ее делать молитвенный жест. "Перед экзаменом сделай знак "пальцы скрещены". Тогда ты точно сдашь экзамен".

Тун Янь ответила "о". Затем она вытянула обе руки и сложила их вместе, торжественно произнесла: "Скрестим пальцы. Сдам физику, успешно окончу университет, а потом зарегистрирую наш брак".

Зимой того года, когда они с Гу Пиншэном расстались, у бабушки снова начался рак.

Все это время Пинфань общался с ней по поводу различных условий и соглашений. С одной стороны, ей нужно было тщательно избегать всех "ловушек" в них, которые Гу Пиншэн вырыл для нее, а с другой стороны, ей нужно было скрыть плохое психическое состояние, в котором она находилась в результате этого долгого периода ухода за бабушкой в больнице.

К счастью, Гу Пинфань очень скоро нужно было возвращаться в США, чтобы официально начать свою ординатуру в больнице.

Беспокоясь, что она будет задерживать работу Пинфань, она все-таки подписала алиментное соглашение. Единственным условием было то, что все деньги должны были перечисляться на их с Пинфаном совместный счет. Гу Пиншэн изначально поручил Пинфань открыть этот совместный счет, потому что, опасаясь, что ее потянут за собой долги отца, он оставил ей некоторые сбережения, которые близкие родственники не смогли бы у нее забрать.

Поэтому такое условие он быстро принял.

Весной следующего года раковые клетки бабушки дали метастазы во все части тела, и, продержавшись в больнице менее двух месяцев, она скончалась. Тун Янь помнил, что в ту ночь было 2:43 ночи.

Из-за длительной невозможности принимать пищу, когда бабушка покинула этот мир, она была уже исхудавшей и истощенной, совсем не похожей на нормального человека. В последние дюжины дней отец по очереди дежурил с ней на ночных бдениях.

Почти каждый день глаза бабушки были красными и опухшими. Ей казалось, что отец снова что-то натворил, и сначала она отводила его в сторону, убеждая, что если ему нужны деньги, то он должен подождать, пока бабушка справится с болезнью. После этого был один день, когда она поспешила вернуться посреди ночи, закончив свое радиошоу, и застала шумную сцену перед больничной палатой.

Пока медсестры и ее отец не смотрели, бабушка выбежала из больничной палаты в одной рубашке и шортах.

Как только она вышла из коридора лифта, она увидела, что несколько медсестер не смогли остановить бабушку, чьи умственные способности и сознание были в некотором замешательстве. Зрители непрерывно шептались о том, что рак у пожилой женщины, должно быть, распространился на ее мозг, и теперь она немного сошла с ума. В одно мгновение картина отца, стоящего перед дверью, совершенно беспомощного, ничего не могущего сделать, со слезами, непрерывно падающими из его глаз, когда он кричал: "Мама", заставила ее потерять всякое спокойствие и рассудок.

Она сама не поняла, как бросилась туда, чтобы крепко обнять бабушку и тихо утешить ее. Когда к ним подошли несколько медсестер, она оттолкнула их широким взмахом руки. В тот вечер она словно сошла с ума и, схватив отца за руку, вышвырнула его из больницы.

Когда она вернулась в больничную палату, все глаза - жалеющие, сочувствующие, сопереживающие, равнодушно наблюдающие - были закрыты от нее после того, как она задернула шторы на кровати. Из-за силового извлечения внутривенной иглы рука, в которую и так было очень трудно вставить иглу, распухла. Она нежно массировала ее для бабушки, при этом улыбаясь и говоря: "Почему ты была такой непослушной? Ах, ты. Чем старше становишься, тем больше ведешь себя как ребенок".

Боясь разбудить других людей в комнате, Тун Янь говорила тихим голосом.

Она специально рассказывала о некоторых интересных вещах из своей радиопередачи, большинство из которых были либо звонками молодых слушателей, либо сумбурными, невнятными словами мужчин и женщин, тоскующих о своей любви[1]. В конце ее рассказа даже она сама не смогла сдержать смех.

"Янь Янь". Бабушка показала на свою голову и хриплым голосом сказала ей: "Бабушка здесь, наверху, все очень четко и ясно. Я ничего не путаю".

Тун Янь сказала "mmm".

"Я сделала это, потому что хочу заставить твоего отца почувствовать вину - вину перед нами". Бабушка похлопала ее по руке. "Я боюсь, что не смогу дождаться того дня, когда он внезапно и полностью проснется и поймет ошибочность своего пути. В конце концов, единственным, кто останется и кому придется страдать, будешь ты".

У нее мгновенно заложило нос, и слезы едва не покатались вниз. Однако ей оставалось только изо всех сил улыбаться: "Уже двенадцать часов. Ты все еще не собираешься спать?".

"Болезнь маленького Гу на этот раз очень серьезная?" Пожилая женщина уже закрыла глаза, но тут она вспомнила о нем. "В прошлый раз он тоже уехал на четыре месяца. В этот раз, наверное, уже почти девять месяцев?"

"Это не очень серьезно, просто ему нужна реабилитация". В ее голосе чувствовалась легкая душевная боль. "Его здоровье тоже не очень хорошее. Когда он уезжал, он неоднократно говорил мне, что я не должна сообщать тебе об этом. Я также не осмелилась сообщить ему, что ты сейчас остаешься здесь, потому что иначе он обязательно найдет способ вернуться в Китай".

"Да, да." Пожилая женщина поспешно похлопала Тун Яня по руке. "Вы оба молоды. Его здоровье так слабо, и ему нужно тщательно следить за своим лечением. Все в порядке. Бабушка все понимает".

Тун Янь поджала губы и улыбнулась. "Вот почему ты должна хорошо себя вести и восстанавливаться, иначе, если он вернется, он точно не оставит меня в беде. Что касается меня, то я должна буду работать изо всех сил, чтобы заработать деньги и позволить вам обоим жить немного лучше - и еще лучше". Она ненадолго прервала свои слова, а затем добавила: "Наш босс спросил меня, не хочу ли я подменить его в утреннем дорожном шоу. У прежней ведущей недавно родился ребенок, и ей нужно отдохнуть несколько месяцев. Таким образом, у меня будет больше шансов получить прибавку к зарплате. По крайней мере, моя премия точно будет больше".

"Утреннее шоу? То, которое вы ведете сейчас, начинается в девять часов, и вам также приходится ездить из больницы туда и обратно".

"Когда ты молод, ты борешься и много работаешь". Тун Ян заправил руку бабушки под ватное одеяло и тихо приказал: "Больше никаких разговоров. Спи, спи".

Пожилая женщина снова сжала ее руку и довольно протяжно сказала: "В последние несколько дней я чувствую, что у меня стало намного больше энергии. Говорят, что если у вас хорошее

настроение, то и рак, естественно, пройдет. Совершенно не нужно, чтобы Маленький Гу возвращался. Если он и вернется, то только здоровым".

Тун Янь кивнула. Она знала, что бабушка не примет это близко к сердцу и не станет возражать, если нездоровый человек не придет в гости.

Однако если пожилая женщина узнает, что они с ним уже расстались, это, как она боялась, будет смертельным ударом. К счастью, бабушка давно и негласно знала о его болезни, поэтому после четырехмесячной разлуки в прошлый раз эти восемь-девять месяцев были легко объяснимы.

Она совершенно не знала, как долго сможет тянуть с этой ложью.

Единственное, о чем она думала, это о том, что любой лишний день, который она сможет провести, будет одним лишним днем. Позже, "позже" уже не было.

В этот период она попросила самый длинный отпуск, который она когда-либо брала с тех пор, как начала работать. В течение целой недели она занималась всеми делами, связанными с похоронами бабушки и посмертными приготовлениями.

После этого она не вернулась домой, а вместо этого сняла другую квартиру вместе со своим коллегой по работе.

Этот дом Гу Пиншэн купил в спешке, чтобы они с бабушкой могли жить в нем, когда он спешил вернуться в Китай. А когда они расстались, он также настаивал на том, чтобы оставить его ей. Она отказывалась от всего, но единственным исключением была эта квартира, которая, казалось, помогла ей, предоставив ей ложь с добрыми намерениями, в которую бабушка могла поверить.

Внучка, которую она всегда держала в уме и в сердце, будет здорова. Независимо от того, что может случиться, все равно найдется человек, который будет относиться к ней как к своему драгоценному сокровищу и любить ее.

Когда замысел этой лжи подошел к концу, она не осмелилась жить в такой большой квартире одна. Поскольку она одновременно вела утреннее и ночное шоу в прямом эфире, а по утрам ей нужно было посещать совещания по планированию, она доверила все полномочия по продаже квартиры агенту по недвижимости. Изначально она предполагала, что из-за жесткой политики Пекина в отношении покупки жилья в последние пару лет, квартира не будет продаваться так быстро.

Судя по хвастливым заверениям агента, это действительно была квартира с отличным фэншуй. Видя, что Тун Янь не горит желанием расставаться с ней, он неторопливо искал подходящего покупателя, стараясь как можно больше поднять цену. Однако не прошло и месяца, как нашелся человек, который сразу заплатил полную цену.

В тот день, когда она пошла подписывать контракт, погода была сухой и жаркой, а у нее, как оказалось, была еще и летняя простуда. Она записала номер банковского счета, который так хорошо знала наизусть, не желая лишний раз идти в банк. Покупатель квартиры оказался добродушным и просто пошел в банк вместе с агентом, чтобы перевести деньги.

Она и еще один молодой агент по недвижимости остались в квартире. От нечего делать она решила, что может еще раз медленно пройтись по ней.

Вот здесь, вот здесь. Она внимательно рассматривала все глазами.

Молодой агент по недвижимости ничего не понимал и думал, что она что-то упустила. "Мисс Тонг, что вы ищете?"

Она смущенно улыбнулась. "Я ничего не ищу. Я просто не очень хочу прощаться с этим".

"Если нет "прощания со старым", то не будет и "прощания с новым"". Молодой агент рассмеялся: "Предположительно, именно потому, что у этой квартиры хороший фэншуй, цена продажи оказалась довольно хорошей. Если накинуть еще немного, то можно купить очень хорошую квартиру. Если госпожа Тонг захочет купить другую квартиру, у меня сейчас есть несколько".

За последние полгода работы по утрам и вечерам она довольно сильно похудела. Ее телосложение и так было миниатюрным, но теперь оно стало еще более изящным. Поскольку она была диджеем на радио, ей не нужно было показывать свое лицо, поэтому ее одежда была очень повседневной, и она все еще выглядела как студентка.

Такая симпатичная девушка, но она была способна в одиночку продать такую квартиру, как эта. Казалось, что даже не было семьи, которая бы ограничивала и контролировала ее. Воображение молодого агента по недвижимости, естественно, прочитало в этом слишком много, поэтому он еще больше решил, что на этом можно сделать бизнес.

Она слушала это, не зная, смеяться ей или плакать, и покачала головой, не пытаясь уточнить.

Существовало ограничение на сумму, которую можно было снять с этого совместного банковского счета, но не было никаких ограничений на то, сколько можно было положить на счет. Глядя на сумму, записанную в банковской книге, она испытывала чувство удовлетворения, как у новоиспеченного богача.

Гу Пиншэн, вы, наверное, забыли: по закону дарение считается односторонним актом, и нет необходимости получать ваше согласие. Оценка госпожи Гу по договорному праву составляла девяносто один процент. Даже если бы она умерла, эта часть ее имущества не имела бы никакого отношения к ее отцу и полностью принадлежала бы ему.

С приближением Рождества "Есть я, чтобы составить тебе компанию", казалось, превратилась в горячую линию для обсуждения любви и чувств. По словам ее руководителей, они даже могли работать с любыми конкретными потребностями шоу и время от времени играть песню для слушателей, чтобы задать атмосферу.

Для программы, которая была запланирована на канун Рождества, она специально пригласила Ай Ми.

Всего за три с небольшим года, благодаря тому, что она вела ток-шоу, Ай Ми стала очень популярной ведущей на местном телеканале. Даже ее приезд в Пекин для участия в программе на дорожной радиостанции заставил многих слушателей заранее позвонить и выразить свое волнение.

"Вы хотите, чтобы я называла вас Малышка Кэ, но я к этому не привыкла". Ай Ми заранее вошла с ней в радиостудию и села на вращающийся стул. Не в силах сдержать смех, она спросила: "Почему бы не использовать свое настоящее имя? Мне кажется, ваше имя очень легко запомнить, более того, оно не похоже на имя, которое мог бы дать кому-то обычный человек. Если бы вы сказали, что это сценический псевдоним, никто бы не заподозрил обратного".

"Я не такой высокопоставленный человек, как вы". Тун Янь бросил ей сценарий. "Я не хочу, чтобы мои бывшие одноклассники слышали, как я веду шоу. Представляю, как они будут смеяться, слушая меня".

"Ты постепенно привыкнешь к этому". Ай Ми искренним и доброжелательным тоном похлопала ее по плечу и сказала: "Когда я впервые вела свою программу, моя мама даже специально сохранила видео из Интернета, а затем записала копии на диски, чтобы раздать всем родственникам. Не будем упоминать, как это было стыдно".

"Будьте довольны. Это потому, что она гордится тобой".

"Вы двое..." Директор зевнул: "Достаточно одного взгляда, и мы можем сказать, что вы старые, "остатки женщин[2]" [старые служанки], эх. Сегодня канун Рождества, и все, о чем вы заботитесь, это поговорить со старым одноклассником. У вас не было ни одного телефонного звонка? Ни одного свидания после окончания шоу?"

Они оба проигнорировали поддразнивания режиссера и продолжали болтать на пониженных тонах.

Когда наступило ровно девять часов, они сразу же возобновили свои профессиональные голоса и перешли в рабочий режим.

Сегодняшнее шоу было специальной программой, радиопередачей, которую вели известные телеведущие Ай Ми и Литтл Ке. Эти две женщины с красивыми голосами непринужденно

беседовали и время от времени принимали звонки, большинство из которых были просьбами о песне или, вперемежку, воспоминаниями о предыдущих Рождественских вечерах.

"Мы с Малышкой Ке - старые школьные подруги". Ай Ми бросила на нее многозначительный взгляд. "Когда-то в университете у нее были ухаживания, которые произвели большой фурор. Смею предположить, что каждую ночь в общежитиях находились девушки, которые кололи кукол вуду и проклинали ее. Скажи мне, ты когда-нибудь проводил очень романтичный сочельник с той, которая была желанной любовницей масс?".

"Да. В ту ночь мы впервые поцеловались. Очень банально, на самом деле. Это было в кинотеатре".

"Ууууу!" Ай Ми сузила глаза, ревнуя так, что готова была сойти с ума.

Даже режиссер стал ликовать, безостановочно крича в наушники: "Она сама слила это, она сама слила это!".

Легкая музыка, игравшая на заднем плане, состояла из старых американских или европейских песен.

После этих слов ее настроение, казалось, значительно улучшилось, и она легко перевела разговор на другую тему. Однако все последующие телефонные звонки были связаны с вопросами о том, какое у нее было свидание в канун Рождества, а некоторые даже с восторгом рассказывали, что их первый поцелуй тоже был в кинотеатре, или что-то в этом роде. В конце концов, она почувствовала, что действительно сама навлекла на себя беду.

Недостатком приглашения человека, хорошо знакомого с вами, было то, что в каждый момент она пыталась выпытать у вас что-то из вашего прошлого. К тому времени, как программа подошла к концу, Тун Янь так сильно сожалела о своем решении, что хотела умереть. Ай Ми не унималась, рассказывая, что Тун Янь когда-то заняла третье место на университетском конкурсе вокалистов, а ее специальностью было исполнение технически сложных песен на иностранных языках.

Настроение режиссера сразу же поднялось, и он велел ей спеть что-нибудь а капелла, а затем они постепенно перейдут к оригинальной песне, чтобы завершить программу.

Она не могла противостоять их принуждению. Вдруг ей вспомнилась песня, которую она повторяла по ночам в тот период, когда они с Гу Пиншэном только расстались. Мелодия была очень знакомой, и она знала, что у инженера звукозаписи наверняка есть копия этой песни.

Старая песня Джессики Симпсон 2001 года "When You Told Me You Loved Me".

Музыкальное вступление к этой песне было неожиданно меланхоличным, но оно всегда

заставляло ее вспоминать, как в тот вечер она впервые увидела его в растерянности. Стоя под мерцающими деревьями и яркими огнями Ксинтианди [район Нового Света], он не знал, что им делать дальше, не знал, как провести свидание.

Она тихонько напевала мелодию, и инженер звукозаписи очень скоро понял, что это за песня.

Постепенно музыка затихала. Медленная мелодия. Ее все более чистое пение.

В тексте этой песни была одна строчка, которая повторялась снова и снова:

Когда ты сказал мне, что любишь меня

Знал ли ты, что это займет всю мою оставшуюся жизнь?

[1] 剩男 "чи нань юань нв". Дословно это переводится как "пораженные мужчины и обиженные женщины", и эта поговорка используется для описания пары, глубоко влюбленной, но неспособной реализовать эту любовь.

[2] 剩女 "da ling sheng nv". Буквально это означает "старые, оставшиеся женщины". Это эквивалентно термину "пряха" или "старая дева", так как описывает женщину, которая вышла из "подходящего" возраста для знакомства/женитьбы. В Китае этот термин начинает применяться к незамужним женщинам примерно в возрасте от 25 до 27 лет. Это объясняется тем, что в этом возрасте женщина ищет супруга в возрасте от 30 лет, но мужчины в этом возрасте, которые являются достойной добычей, уже сделали карьеру и более финансово обеспечены. Следовательно, имея свои активы, они могут искать девушек помоложе, в возрасте 24 лет или меньше. Поэтому женщины старше этого возраста, которые все еще не состоят в браке, считаются "брошенками", и считается, что у них гораздо больше шансов выйти замуж.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/12100/2778925>